

Музыка ждет финалистов

На VII Международном конкурсе имени П. И. Чайковского закончился решающий второй тур соревнований. Он определил лидирующую группу пианистов, певцов, скрипачей и виолончелистов, которым предоставлено почетное право выступить в финале. Победили выдержанная, профессиональное мастерство, артистическая неповторимость. Победили те исполнители, кто представил на суд публики наиболее зрелые и безупречные по стилю музыкальные интерпретации.

Среди финалистов-скрипачей мы видим двух талантливых советских артистов — Сергея Стадлера и Викторину Муллоу; исполнителей из США, среди которых наибольший интерес у слушателей вызвали Андрес Карденес и Керри МакДермотт; болгарских скрипачей Элмиру Дарварову и Дору Брачкову; чеха Ивана Женаты и японку Томоко Като.

Группа лидирующих виолончелистов (так же, как и у скрипачей) составляет 12 человек. Здесь и темпераментный бразилец Антонио Менезес, и талантливые американские исполнители Давид Харди и Энтони Росс, и интересный музыкант из ФРГ Георг Фауст, и советские виолончелисты Александр Рудин и Марина Тарасова, и норвежец Трульс Оттербек Мерк и другие.

Жюри конкурса пианистов назвало 13 победителей — участников третьего тура. Среди них пятеро советских музыкантов: Нино Кереселидзе, Калле Рандалу, Владимир Овчинников, Михаил Ермолаев и Дмитрий Гайдук. А также пианисты из Японии, США, Болгарии, Великобритании, Филиппин и Новой Зеландии.

В финальном конкурсе вокалистов примут участие 16 человек. Среди них советские певцы: Лидия Забиялка, Светлана Стрелева, Хураман Касимова, баритон Владимир Чернов, тенора Георг Григорян и Александр Хомерики, бас Паата Бурчуладзе, а также певцы из США, Японии, Югославии, Болгарии, Польши, Чехословакии.

Третий симфонический этап конкурса, в котором примут участие лучшие московские оркестры, обещает много ярких встреч с талантливыми музыкантами разных стран.

Т. СТРУНСКАЯ.



...Эмму Тахмизян из Болгарии уже не ждали и сокрушались по этому поводу. На первом туре отлично выступила целая «команда» болгарских пианистов — Венцеслав Димитров, Ангелина Дечева-Пашмакова, Веселин Станев, Эмил Наумов. А в буклете указано, что Тахмизян — лауреат четырех крупных международных конкурсов.

Тяжело пережив смерть отца, Эмма приехала за три дня до окончания 1-го тура и была допущена к прослушиванию последней, 79-й, когда публике все уже было не в новинку. Маленькая, худенькая, с огромными глазами, стриженная под мальчишку, Эмма Тахмизян заставила слушать себя с первых же нот. В зале стояла такая тишина, что казалось — звенит воздух. После бетховенской сонаты до-минор (соч. 111) стало ясно: перед нами — трагическая актриса, какой мы еще не слышали на этом конкурсе.

Прихожу в артистическую сразу после ее выступления. — Какие надежды я возлагаю на конкурс? Для меня главным было подготовиться к нему, а уж участие в нем — счастье само по себе. Уверена, что услышу здесь много замечательных пианистов, это тоже хорошая школа. А надежда — всегда при человеке. У меня есть выражение — «быть в фокусе». Если это удастся — может быть, и у меня будет шанс.

— Довольны ли Вы своей игрой на конкурсе?

— Может быть, это странно, но свои выступления я в состоянии оценить лишь по истечению некоторого времени. Наверное, не все удалось. Но публика принимает невероятно тепло. В зале сидят друзья. Это ли не блестящие условия для того, чтобы максимально проявить себя...

— Слышали ли Вы кого-нибудь из советских участников?

— На первом туре успела послушать только Михаила Ермолаева. Это крупная индивидуальность. Иные моменты показались мне неудачными, но настоящего художника слышно сразу, тут обмануться трудно. Глубокая, вдумчивая игра.

И МАСТЕРСТВО, И ВДОХНОВЕНИЕ

Два интервью с победителями второго тура

— Можно один легкомысленный вопрос? Мне показалось, что некоторые пианисты, выступившие на первом туре, грешили излишней раскованностью, теряли глубину звука — те, кто одновременно увлекается джазовой игрой. Им было интересно слушать самих себя, но публика скучала. Играете ли Вы джаз?

— О влиянии джазовой манеры исполнения на классическую я не задумывалась. Но джаз играю. Правда, для себя, когда уверена, что меня никто не слышит. Пытаюсь импровизировать. С детства люблю поразмышлять за инструментом. Даже так: роля — мой чуткий собеседник...

Я помню, как играл он на первом туре. Очередной оптический обман американских фотомастеров. На сцену вместо ангела с сотой страницей буклета вылетел интеллетуал 80-х, «очкарик» с давно нестриженными кудрявыми волосами. Впрочем, очки тут же снимаются. Взгляд в зал — из глаз сыплются веселые искорки, долетающие до второго амфитеатра.

Отличный Бах, прекрасная 1-я часть бетховенской «Авроры», до-диез минорный этюд Шопена (оп. 10 № 4), публика тает, и вдруг... В этюде Листа по 24 капрису Паганини Шеймс не попадает в первое, такое важное «ля»! Тихий, единодушный вздох облегчения — дальше превосходно — Скрябин, Рахманинов. А вот в Чайковском — странная фразировка: нет, не катался Джонатан на нашей тройке...

— Добрый день, Джонатан!

— Прежде чем Вы зададите мне Ваши вопросы, я обязан сказать про публику. Она — самая большая радость и самое большое для меня огорчение.

— ???

— Когда после выступления я вышел на улицу, меня приветствовала группа людей, я узнал их, это они были в зале. Это счастье! А огорчен я чрезвычайно тем, что не могу в данный момент ответить людям на теплые чувства,

подробнее поговорить со всеми. Даже боюсь, не сочли бы «букой». А у меня просто нет времени, я никого не слушаю из пианистов, буду работать до последнего.

— Участие в конкурсе — это Ваша инициатива?

— Осенью прошлого года я сказал своему педагогу Теодору Леттвину, что хочу участвовать в конкурсе Чайковского. Прекрасно, сказал он, выбирай программу и работай. 8-ю сонату Прокофьева я выучил в декабре 1981 года. Специально для конкурса — 1-й концерт Чайковского. Почти все остальное — хорошо обыгранное, из старого репертуара.

— Почему из «Времен года» Чайковского Вы выбрали «На тройке»?

— На миниатюру трудно настроиться, а в «Тройке» мне это удается относительно легко. Хорошо чувствую ее ностальгию...

— Вот Вам на память вальдский колокольчик, чтобы Вы хоть примерно знали, что и как звенело на русской тройке. Сколько пианистов, в том числе и американских, «слетало» с первого тура за «простенького» Чайковского при безукоризненном исполнении всей остальной программы! Жюри конкурса Чайковского традиционно не прощает легковесного исполнения «Времен года» и правильно делает. Нечего потом удивляться, что на второй тур не пропускают...

— Я все-таки не понял, что Вам слышится в этой песне?

— Не столько слышится, сколько стоит за ней. Во времена Чайковского, когда не было ни телефона, ни радио, ни телевидения, подвезжавшая тройка могла означать все — неожиданную радость и беду, пысьмо и долгожданного гостя...

— Взаимопроникновение национальных школ — процесс в наше время естественный. Уж где-где, а в Америке единой школы нет. Многие известные американские музыканты учились и учатся у русских. Определенно есть русская школа. Перед поездкой на конкурс я слушал много записей выдаю-

щихся советских исполнительниц, пытался проникнуться вашим духом. Есть у меня и пластинка русских народных песен.

— Что наиболее популярно из Чайковского в США?

— 1-й фортепьянный концерт, скрипичный, 4-я, 5-я, 6-я симфонии, «Евгений Онегин», «Пиковая дама». Не так известны камерные произведения. В своей педагогической деятельности я с успехом использую его «Детский альбом», это отличная школа для начинающего музыканта.

— Каков, по-вашему, престиж конкурса Чайковского?

— Высочайший. Не только у музыкальной элиты. Конкурс широко популярен как символ. Считается, что жюри на вашем конкурсе составляют музыканты высокого ранга.

— Джонатан, как Вы преодолеваете волнение? Чехословацкий музыкант Илья Гурник пишет, что в день концерта он делает все, как обычно, только в два раза медленнее...

— Единственная надежда на добросовестную подготовку, а это старо, как мир. Все возможные ошибки надо сделать в классе и навсегда оставить их там...

Пальцы у Джонатана заклеены пластырем — от многочасовой работы ногти расслаиваются, игра превращается в пытку. Это — плата за мастерство. И за честолюбие, от которого не свободен ни один артист в мире...

30 июня в 16.15 в Малом зале Консерватории собрались участники конкурса пианистов, отыгравшие во втором туре, журналисты, «больельщики». Мнение жюри было единодушным — тринадцать избранных из избранных. Председатель жюри конкурса пианистов О. В. Тактакишвили отмечает, что лучшими на втором туре признаны те, кто продемонстрировал одинаково серьезный, бережный и трепетный подход к классической музыке, романтическим произведениям, песням русских композиторов и современных авторов. Среди названных имен — Эмма Тахмизян и Джонатан Шеймс.

Н. ЗИМЯНИНА.